

Theatre and Music. Mosk[ovskiy] Ved[omosti], 1909, April 17, no. 86, p. 4.

Театр и музыка, Моск. вед. 1909. 17 апреля, № 86. С. 4.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 476

The Philharmonic Society. On April 15, the fifth symphony meeting of the Philharmonic Society took place, the first of those expected to be conducted by A. Nikisch, which, due to his withdrawal, have now been handed over to S. V. Rachmaninoff. The Philharmonic Society suffered greatly, both morally and materially, because of this change: after all, "Nikisch is the only one," and replacing him with another, equally qualified conductor seemed impossible. All that could be done was to invite Mr. Rachmaninoff.

Rachmaninoff had previously had occasion to demonstrate his brilliant talent as a conductor. But until now he had performed on the concert stage almost exclusively with his own works, and the success that invariably accompanied each of his appearances in symphony concerts could be attributed equally to him as a conductor, a composer, and a pianist. This concert, it seems, was the first in which he appeared solely as a conductor. And this concert turned out to be one of the greatest conducting triumphs that the Great Hall of the Noble Assembly has ever witnessed. Rachmaninoff showed this time such a height of first-class conducting talent and such maturity of technique that one can confidently place him alongside the most outstanding conductors of our time. The astonishing mastery with which he conducted Richard Strauss's symphonic poem "Till Eulenspiegel" made one forget even the happiest moments of Nikisch's conducting performances.

The other pieces on the program were no less artistically performed: Scriabin's Symphony in E major, Wagner's Siegfried Idyll, and Liszt's symphonic poem Tasso. But Mr. Rachmaninoff's conducting talent was most clearly revealed in Till Eulenspiegel, because the work itself is of such a kind that in it, more than in any other, both the strengths and weaknesses of the performance are evident.

We've heard performed "Till Eulenspiegel" before, but only now, under the baton of Mr. Rachmaninoff, could it be fully appreciated. The rest of the program was also performed before. Of these, Scriabin's symphony is of the greatest interest, given the composer's personality, which has been particularly prominent in Moscow this year. It was performed here only once, about ten years ago. Now it has appeared in a slightly modified form, with a reworked finale. In the previous edition of the symphony, a choir participated in the finale. Now there is no choir. The alterations made to the symphony undoubtedly served to enhance the overall impression.

The symphony is somewhat unusual in form: instead of the usual four or three movements, it has five. All of them are beautiful, interesting from the harmonic side, and beautifully orchestrated. The mood is very sincere and poetic. There is none of that elation and pretentiousness that mark his latest works (performed this season at concerts of the Music Society). A turn in this direction is somewhat noticeable only in the final movement, which, moreover, does not quite harmonize in mood with the rest of the symphony. It is also worth noting the very noticeable (especially in the first movement) influence of Wagner, evident in the general style of writing, the harmonization, and the most characteristic techniques of orchestration. The first Wagner in the presentation "in his own words." G. Ch. [G. Cheresnev]

[Translation: Google]

Филармоническое общество. 15 апреля состоялось пятое симфоническое собрание Филармонического Общества, первое из тех, которыми, по предположению, должен был дирижировать А. Никиш и которые теперь, за его отказом, переданы С. В. Рахманинову. Много пришлось претерпеть Филармоническому Обществу и с нравственной, и с материальной стороны из-за этой перемены: как-никак, а «Никиш один» и заменить его каким-нибудь другим, равноценным дирижером представлялось невозможным. Все, что можно было сделать, это пригласить г. Рахманинова.

Г. Рахманинов и раньше имел случай проявить свое яркое дирижерское дарование. Но до сих пор он выступал на концертной эстраде почти исключительно с собственными произведениями, и тот успех, которым неизменно сопровождалось каждое его появление в симфонических концертах, в равной мере можно было отнести к нему и как к дирижеру, и как к композитору, и пианисту. Этот концерт, кажется, первый, в котором он появился как только дирижер. И этот концерт оказался одним из самых крупных дирижерских триумфов, которых был когда-нибудь свидетелем Большой зал Благо-родного Собрания. Г. Рахманинов в этот раз показал такую высоту первоклассного дирижерского дарования и такую зрелость техники, которые дают основания без колебания поставить его рядом с самыми выдающимися дирижерами нашего времени. То изумительное мастерство, с которым он провел симфоническую поэму Р. Штрауса Till Eulenspiegel, заставило забыть даже наиболее счастливые минуты дирижерских выступлений «самого» Никица.

Не менее художественно были проведены и все остальные нумера программы: E-dur'ная симфония Скрябина, Siegfried-Idyll Вагнера и симфоническая поэма Тассо Листа. Но наиболее ярко дирижерское дарование г. Рахманинова проявилось именно на Till Eulenspiegel, потому что само произведение такого рода, что в нем более, чем в каком-либо другом, бросаются в глаза и достоинства и недостатки исполнения.

Till Eulenspiegel исполнялся у нас и раньше, но только теперь, под управлением г. Рахманинова, можно было оценить его вполне по достоинству. Не в первый раз исполнялись и остальные нумера программы. Из них наибольший интерес, по личности автора, в этом году особенно сильно занимающей Москву, представляет симфония Скрябина. Она исполнялась у нас всего один раз, лет десять тому назад. Теперь она появилась в не-сколько измененном виде, с переделанным финалом. В прежней редакции симфонии в финале участвовал хор. Теперь хора нет.

Произведенные в симфонии переделки послужили, несомненно, к большей выгоде впечатления.

Симфония несколько необычна по форме: вместо общепринятых четырех или трех частей, в ней их пять. Все они красивы, интересны с гармонической стороны и прекрасно оркестрованы. В настроении много искренности и поэзии. Нет той приподнятости и претенциозности, которыми отмечены его последние произведения (исполнявшиеся в этом сезоне в концертах музыкального общества). Поворот в эту сторону несколько заметен лишь на последней части, не совсем к тому же гармони-рующей по настроению с остальными частями симфонии. Следует отметить также очень заметное (в особенности на первой части) влияние Вагнера, сказывающееся и в общей манере письма, и в гармонизации, и в наиболее характеристических приемах оркестровки. Первая Вагнер в изложении «своими часть положительно словами».